

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Р. Х. Симонян

Реформы 1990-х годов:
оценка сегодня

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Reformy_Simonyan.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Р.Х.Симонян,
главный научный сотрудник
Института социологии РАН.

Реформы 1990-х годов: оценка сегодня

Аннотация. Рассматриваются последствия российских экономических реформ 1990-х годов в духовной сфере общества: науки, культуры, образования, общественной морали. Анализируются инновационные ресурсы созданной реформаторами экономической модели, оцениваются возможности модернизации российской промышленности после девятнадцати лет функционирования этой модели.

Abstract. The paper examines effects of Russian economic reforms of 1990 in the fields of science, culture and education, and moral sphere of society. The author analyzes as well innovative resources of economic model developed by reformers, estimate facilities of Russian industry modernization after almost twenty years of above model performance had elapsed.

Ключевые слова: технологическое отставание, конкурентоспособная экономика, человеческий капитал, наукоёмкая продукция, творческая элита и политическая номенклатура, коррупционная компонента общественных процессов, национальные духовные ценности, массовая культура.

Keywords: technological backwardness, competitive economy, human capital, high technology, creative elite and political nomenclature, corruption component of social processes, national spiritual values, popular culture.

2 января 1992 года правительством Е.Гайдара были отпущены цены на товары массового спроса. Так начались кардинальные экономические

преобразования в России, в канун двадцатилетия которых вступила наша страна. Об экономических итогах российских реформ 1990-х годов сказано и написано много, в значительно меньшей степени отражены итоги социальные, политические и демографические итоги. Последствия российской реформации для духовно-культурной сферы общества ещё не исследованы. Не проанализирована динамика состояния общественной морали за два последних десятилетия. В то время как нравственность – это одна из важнейших составляющих человеческого капитала, роль и значение которой в современном рискогенном, а, быть может, уже и катастрофогенном мире, возрастает.

На нынешнем этапе экономического развития человеческий фактор – наличие ответственных и высококвалифицированных специалистов, способных создавать знания и эффективно их использовать на благо общества – является основой экономического развития любой страны. Мировой опыт показывает, что отдача от вложений в человеческий капитал существенно превышает отдачу от вложений в основной капитал. «В условиях интенсивных процессов глобализации, – подчёркивает член-корр. РАН проф. Н.Римашевская, – человеческий и интеллектуальный потенциалы, как основной ресурс общества, не имеют эффективных способов замещения» (31, с.20). Основу современной экономики составляет накопленный человеческий капитал – способности, знания, умения, навыки и мотивация, нравственные установки и этические требования членов общества.

Этот капитал связан с инвестициями, в первую очередь, в образование, воспитание и здоровье. Важную роль в его формировании играет также наука, информационное обеспечение, культура и искусство. Следует подчеркнуть, что эти ценности составляли общественные приоритеты во внутренней политике позднесоветского периода. Даже не обременённое излишним образованием и культурой советское партийное руководство понимало значение воспитания и образования в социально-экономическом развитии страны. И престиж науки, и высшей школы, и социальный статус

учёного и преподавателя, и общественные этические требования в Советском Союзе были достаточно высокими.

Весомость духовно-нравственной компоненты в выборе вариантов развития в новейшей российской истории трудно переоценить. Источником многих социальных болезней нынешнего российского общества является состояние её духовно-нравственной сферы. Здесь следует согласиться с академиком Л.Абалкиным, что «если исключить нравственно-этический фактор из социологического анализа, то нельзя будет получить объективное представление о процессе приватизации в России, так же как и об октябрьском «чёрном вторник» 1994 г., и о дефолте 1998 г., да и вообще об экономической реформации 1990-х годов».(1, с.173)

Идеология, запущенная в массовое сознание в начале 1990-х годов об обогащении любой ценой, привела к резкому изменению общественных приоритетов. Реформаторы деформировали базовую ценностную модель россиян. Начиная реформы, они постоянно подчёркивали, что их не интересуют источники получения собственности, – важно создать собственника. Тем самым был запущен процесс устранения моральных ограничений. В любом обществе всегда существуют люди, с готовностью воспринимающие идеологию, которая извиняет и освобождает их от социальной ответственности. Обращение к низменным инстинктам может захватить значительную часть даже вполне высокоцивилизованного народа.

Реформаторы понизили порог чувствительности общества к социальной патологии. «В результате реформ 1990-х годов, – пишет кинорежиссёр Сергей Соловьёв, – целые пласты нации, прежде всего молодёжи, превращены в духовно опустошённых и совершенно равнодушных к собственной стране, её прошлому и будущему»(2, с.7).

Нравственно-культурная травма привела к тому, что индивид становится, по выражению Р.Рывкиной, своего рода социальным банкротом.(33, с.49). Люди ни во что не верят, ни в собственные возможности и силы, ни в собственную страну. «Современное российское

общество – это больное общество, – пишет в «Российской газете» В.Кичин, – и все наши усилия по подъёму экономики, боевого духа растерянной армии и патриотических настроений в обществе будут абсолютно бессильными, пока мы не поймём и не начнём лечить главную причину недуга – всеобщее падение морали»(15, с.4). Начавшееся в 1990-х годах моральное разложение правящей верхушки постепенно инфильтрировало все слои общества. С 1990-годов в стране стал насаждаться общественный аморализм, о разрушительной опасности которого для человека предупреждали многие мыслители. Ибо, как писал Дм. Мережковский, «оказывается, что Лицо человеческое вовсе не так прочно держится на человеке, как он предполагал; что оно снимается с неожиданной и безболезненной лёгкостью; само спадает, как маска после маскарада – «цивилизации», «прогресса», «прав человека», «христианства»» и проч., и проч.»(26, с.197). Недолгий, но страшный период нацистов в Германии, красных кхмеров в Камбодже показал, насколько тонка и уязвима культурная оболочка, и как легко превратить человека в тупое послушное животное.

Нынешняя всеобщая коррупция – это сигнал о глубоком неблагополучии в государстве. Сигнал о неэффективности экономики, системы общественных отношений, всей системы управления в нём. Коррупция стала органическим элементом государственного устройства и одним из основных показателей деморализации общества. Дискурс по поводу этой болезни сопровождается ссылками на её «общемировой» характер, в которых в неявном или явном виде присутствует «российская специфика». Цитирование Карамзина о том, что в России воруют – любимое занятие ангажированных российских масс-медиа. Но что эта ссылка означает? Только то, что интеллигентный человек рефлексивен, отличается повышенной совестью и впечатлительностью, поэтому особенно болезненно реагирует на любое социальное уродство. В этом смысловом ряду и усердно цитируемое, ставшее классическим бальзаковское «все большие состояния нажиты нечестным трудом». Но точно такие же горестные замечания можно

найти у классиков английской литературы XVIII века («сентименталистов»), когда в Англии размеры коррупции стали опасными для общества.

Ещё одним расхожим аргументом ревнителей теории особой склонности россиян к коррупции является обращение к существовавшей в России традиции «кормления» воевод. Но человеческое общество совершенствуется, и уж, во всяком случае, постепенно уходит от дикости и варварства. Всего 220 лет назад в Европе отсечение головы было обычным наказанием преступнику, и при этом процедура производилась публично, собирая многотысячные толпы зевак. Ещё какие-нибудь 70-80 лет назад офицерской доблестью считалось умением шашкой разрубить противника на две части. Можно много привести примеров того, от чего нынешнее общество отказывается, чего оно уже стыдится делать. Поэтому апелляция к временам Московского княжества (ибо уже при Петре Великом за «кормление» строго наказывали, а в XIX веке это явление практически исчезло – если только не подозревать генерала Ермолова, Державина, Салтыкова-Щедрина, Столыпина или других менее известных русских губернаторов в моральной нечистоплотности) не может служить «историческим» или «национальным» обоснованием коррупции, принявших в 1990-е годы чудовищный в новейшей истории России масштаб.

Между тем если всё время ссылаться на «извечную русскую вороватость», то возникает резонный вопрос: почему же на её почве возникали такие лишённые этого признака разнонаправленные хозяйственные уклады? С одной стороны, это, например, такой уклад, как русская община, где практически не было воровства. Более того, отсутствие воровства исключало всякую необходимость пользоваться замками в российских деревнях. До кровавых событий Гражданской войны русские крестьяне свои избы не запирали. И в советское время, в 1950-1960-х годах на русском Севере в деревенских домах не было ни замков, ни железных запоров. Или такой городской уклад, как дореволюционный российский капитализм, в котором тон задавали старообрядцы, владевшие 65%

российского капитала, о высокой нравственной опрятности которых написано много книг как у нас в России, так и за рубежом. Или сменивший его коммунистический тоталитарный режим, где уголовная преступность вообще, а государственная коррупция и казнокрадство, в частности, были редкими, если не сказать исключительными социальными болезнями.

А теперь, с другой стороны, возникший в итоге реформ 1990-х годов «новый российский капитализм». «Почему именно этот уклад дал такой чудовищный взрыв всяческого воровства, казнокрадства и коррупции – задаётся вопросом проф.Ю.Давыдов, – причём взрыв не одномоментный, а растянувшийся (и продолжающий растягиваться) на целый исторический период, какого не знал ни дореволюционный капитализм, ни тоталитарный социализм?» (11.,с.67) Ответ на этот чисто социологический вопрос заключается, по его мнению, в тех самых обстоятельствах начала 1990-х годов, когда возник нынешний российский капитал, когда произошло разграбление государства, или, по словам самого идеолога реформ – Е.Гайдара, «распихивание по карманам» (7., с.193), сопровождаемое тотальной эрозией культуры и морали, – событие, столь же прискорбное, сколь и унижительное для нашего отечества.

Но нынешняя беспрецедентная для многовековой российской истории тотальная коррупция – всего лишь одна из многих эксклюзивных нравственных болезней, возникшей 19 лет назад новой общественной системы, но зато наиболее бросающаяся в глаза, широко обсуждаемая, и, к сожалению, создающая образ страны.

Разумеется, и социальная, и нравственная патология, так же как и физическая, будет сопутствовать существованию рода человеческого. Человечество несовершенно. К этому следует относиться как к исторической реальности. Но дело не столько в самой коррупции, сколько в *отношении к ней со стороны общества*. Там, где господствует её всеобщее осуждение, где это занятие вызывает у людей брезгливость, является постыдным, унижительным, там коррупция сведена к минимуму, загнана в моральную

резервацию, и, следовательно, там она не представляет общественно значимой угрозы. Но существует и другая, не менее жёсткая историческая реальность: если общество поощряет уродство, возводит болезнь в норму, то оно неминуемо деградирует и разрушается. Популяция, в которой доминируют аномалии, становится генетически беззащитной. Общество, в котором слово «умный» является оскорбительным, а слово «честный» означает безжалостный общественный приговор, находится в стадии очень высокого риска социального вырождения.

В массовом сознании 1990-е годы являются периодом, когда в России был совершён коррупционный прорыв, и не был совершён прорыв модернизационный. Невроз идентичности, вызванный примитивизацией экономики, отсутствием за все пореформенные годы каких-либо попыток модернизации производства, не мог не привести к определённой ущербности общественной психологии. Как и всякая социальная травма, модернизационная несостоятельность нашей страны породила множество внутренних коллективных мифов, закрепивших нерешённые проблемы и комплексы ущемлённости, социально-культурной неполноценности, фатальной отсталости. Невозможность «вхождения в Европу», продемонстрированная постсоветским периодом, создала у части россиян ложное, но достаточно устойчивое самопредставление о роковой неспособности к модернизации, вечном отставании.

Криминальная приватизация подняла мощный вал преступности. Уголовные сообщества начали расти как грибы. Уже к середине 1990-х гг. некоторые преступные группировки были известны в стране не меньше, чем новые политические институты, новые банки и корпорации. Если в 1990 году в России было около 50 криминальных группировок, то в январе 1995 года на территории России действовали более 15 000 организованных криминальных сообществ (9, с.77). В марте 2002 года, выступая на коллегии Генпрокуратуры, президент Российской Федерации В.Путин констатировал, что «значительная часть российской экономики находится под контролем

организованных преступных группировок»(16, с.2). Криминалитет захватил промышленные предприятия и фирмы практически во всех регионах России. По данным министра внутренних дел Р.Нургалиева, к 2006 году преступные группы контролировали такие важные отрасли хозяйства как топливная, металлургическая, лесная, рыбная, фармацевтическая.(4, с.5)

Процесс криминализации общества привёл к резкому снижению статуса умственной деятельности, ценность знания уступила место ценности социальной агрессии, неразборчивости в средствах достижения цели и грубой силе. В 1990-х годах в обществе возникло словосочетание «новые русские», характеризующее героев возникшей общественной формации: физически крепкий, малообразованный, напористый, лишённый каких-либо моральных запретов материально состоятельный типаж. Характеризуя упадок культуры, начавшийся в 1990-х годах, кинорежиссёр Эльдар Рязанов писал: «Раньше мы были самой читающей страной мира, а сейчас самой ворующей»(2, с.6). Реформаторы создали ситуацию, при которой общество перестало высоко оценивать умственные усилия и нравственную чистоту, воцарился культ грубой силы и аморализма. «Реформы 1990-х годов буквально выкосили настоящих специалистов из многих отраслей, – пишет экономический обозреватель еженедельника «Трибуна» М.Морозов. – На смену профессионалам пришли дилетанты. Были разрушены научные и профессиональные школы... Ассоциации обманутых дольщиков, одураченных вкладчиков, искалеченных пациентов объединяют огромное число людей, пострадавших не только от жульничества, а и от повального непрофессионализма» (35, с.3). Резкое снижение профессионального уровня произошло и в рабочей среде. За пореформенный период в стране была практически разрушена система профессионально-технического образования. В 1990 году в России из общей численности рабочих высококвалифицированных было 38%, а в 2007 году всего лишь 5% (для сравнения: в передовых странах не менее 40%, в США – 47%) (35, с.4).

Падение общего уровня культуры проявляется и в повседневной деятельности властей. По инициативе городских руководителей уничтожаются исторические памятники. В Москве и Санкт-Петербурге, несмотря на протесты общественности, в последние годы разрушаются архитектурные ансамбли, сносятся уникальные сооружения. По этому поводу писатель-фронтовик Даниил Гранин с горечью заметил, что фашисты не нанесли столько вреда Петербургу, сколько это сделали сегодня городские руководители.(25, с.9) Отмеченный многими исследователями, процесс снижения культурного уровня общества, начавшийся в 1990-х годах, вызывает растущую тревогу среди российской творческой элиты. Идут бурные дискуссии о роли масс-медиа, и, прежде всего, государственного телевидения в этом процессе, о невозможности в нынешних условиях остановить процесс деинтеллектуализации населения. Политика промывания мозгов неминуемо ведёт к их сокращению. Но в широком контексте возникшей проблемы стоит выделить наиболее конкретный и одновременно наиболее важный для страны аспект: агрессия масс-культурных ценностей является в значительной степени провокативной политикой государственного телевидения. Не случайно по аналогии с «нефтяной» в лексическом обиходе появилась понятие «попсовая игла».

Ещё более опасной государственной политикой является неконтролируемый рост высших учебных заведений, и как следствие, резкое снижение качества образования. В условиях всеобщей коррупции получение государственной лицензии на открытие высшего учебного заведения, и даже университета не является сколько-нибудь сложной проблемой. Чуть ли не каждый посёлок имеет своё учебное учреждение, выдающее дипломы о высшем образовании. Выпускники таких институтов и университетов часто не умеют, не только грамотно писать, но и грамотно говорить. Подводя итоги дискуссии об ориентациях современной российской молодёжи, В.Иноземцев подчёркивает, что «1990-е и 2000-е годы обесценили высшее образование, а власть в последнее время делает акцент на политически выгодное ей

оглушение молодого поколения, а не на повышение его образовательного уровня. Цели собственного интеллектуального совершенствования вообще не присутствуют в первой десятке основных жизненных целей молодых россиян» (13, с.159). Невежество в отдельных сегментах общества откровенно и навязчиво демонстрируется, оно становится способом самоутверждения не только в молодёжной среде, но и в части политического истеблишмента, а нарушение литературных норм русского языка – предметом бравады у представителей многих социальных групп. Ненормативная лексика перестала быть не только уголовно наказуемым деянием, но превратилась в форму обычного повседневного общения уже среди учеников начальных школ. Начавшаяся в середине 1990-х годов повальная коррупция в высшей школе сегодня стала даже не массовым, а всеобщим явлением. Во многих учебных заведениях существует негласный прейскурант за зачисление в вуз, за сдачу зачёта, за положительные оценки на экзамене. Образование наши нынешние чиновники стали относить к сфере услуг. Платное (неважно официально или с помощью взяток) образование рождает естественную реакцию: «я плачу, вы мне даёте». Поэтому получение высшего образования всё более заменяется получением дипломов. Россияне понимают, что падение качества высшей школы, начавшееся в середине 1990-х годов, вряд ли можно остановить в ближайшие годы. Неудивительно, что сегодня высшее образование, полученное в России, перестало быть ценностью. По данным общероссийского опроса, проведённого в мае 2008 года ВЦИОМ, 67% опрошенных хотели бы, чтобы их дети учились не в России, а за границей.(3, с.14) По расходам на образование нынешняя Россия далеко отстаёт от Западной Европы. В 2006-м, докризисном году, когда в Россию лился поток нефтедолларов, эти расходы на душу населения составляли всего 220 долл., что во много раз меньше, чем в Германии (1457 долл.), Бельгии (1461 долл.), Франции (1561долл.), Австрии (1695долл.), Швеции (2072 долл.) и Дании (2736 долл.) (39, с.89)

Расходы на культуру в государственном бюджете за пореформенные годы также снизились и составляют в нём незначительную долю. По этому показателю мы далеко отстали не только от западноевропейских, но и от советских нормативов. Культура относится к таким сферам общества, которая в наибольшей степени обладает «привязанностью к государству», так как основная масса её организаций неспособна к рыночной самоокупаемости. Механизм рыночной саморегуляции не может и не должен обслуживать все стороны жизни современного общества, и, прежде всего, его духовно-нравственную сферу. Есть чёткие границы рыночной саморегуляции, и есть незаменимая роль государства в поддержке культуры нации. Это положение теоретически обосновали ещё в середине 1960-х годов американские экономисты Вильям Баумоль и Вильям Боуэн, которые доказали, что организации культуры существуют в условиях, когда издержки производства объективно превышают цены на их услуги. (См.40, р.55-61)

Произошедшее падение ценности умственного труда привело к резкому снижению общественного статуса интеллигенции. Как критерий занятия должности в структурах управления интеллект становится всё менее важным. На это обращают внимание многие социологи. Е.Афанасьева в своей книге «Государство или революция» пишет о «вырождении вертикально-интегрированной системы управления», о «беспрецедентном для нашей страны непрофессионализме подавляющего большинства государственных чиновников», о том, «что в настоящее время, средний интеллектуальный уровень госаппарата значительно ниже среднего уровня обычных граждан» (6, с.43). Не менее категорично оценивает итоги постсоветского развития В.Иноземцев: «Сегодня Россией правит «элита», степень образованности которой и адекватность представлений о внешнем мире являются, пожалуй, самыми низкими со времён восшествия на престол Петра I»(13, с.160).

Криминальное государство, возникшее после реформ 1990-го годов, породило целый ряд новых явлений, разрушающих интеллектуальную

компоненту общества. Возникли многочисленные профессиональные группы, где эта компонента только мешает. Так, сегодня каждая организация – предприятия, фирмы, банки, вузы, школы, детские дошкольные учреждения, гостиницы, театры, кинотеатры, магазины, аптеки, обменные пункты, почтовые отделения, домоуправления, даже самые мелкие конторы, т.е. всё, что имеет какое-то помещение с входной дверью, обязательно охраняется. Сменно работающие охранники в силу специфики своего труда не имеют возможности чем-то себя занять, не могут даже бегло просмотреть газету. Армия охранников и телохранителей насчитывает более полутора миллионов россиян в возрасте от 25 до 45 лет – это мощный созидательный ресурс нации, род нынешних занятий которого приводит, по существу, к его интеллектуальной деградации. Логика проведённых реформ неумолима: возникшие многочисленные преступные группировки потребовали появлению столь же многочисленных частных охранных заведений.

Геополитическая реальность современной постиндустриальной эпохи выражается в афоризме «кто владеет наукой, владеет миром». Примеров торжества этой реальности можно приводить много. Наиболее известный – Япония, которая после Второй мировой войны огромные средства вложила в развитие образования и технологии, и превратилась в ведущую индустриальную технологическую державу, опередив во многих наукоёмких отраслях США.

Производство наукоёмкой продукции в канун 1990-х годов обеспечивалось в мировых экономических сетях 45-50 макротехнологиями. Советская Россия обладала 18 из них, в том числе ядерными, космическими, авиационными, нефтегазовыми технологиями, а также технологиями в области вооружений, энергетического, химического, транспортного машиностроения. К счастью, наследство советской техносферы пока ещё позволяет сохранять приоритеты в части перечисленных отраслей промышленности. Российские эксперты считают, что политика, направленная на развитие науки, дала бы России сегодня возможность

присутствовать на 12-15% мирового рынка наукоёмкой продукции, что приносило бы ей 130 –150 млрд. долл. в год (17, с.138).

В 1970-1980-х гг. Советский Союз тратил на науку до 3,5% от ВВП. В пореформенной России на фундаментальную, прикладную и внедренческую науку идёт от 0,5 до 0,7% ВВП. Известный российский физик, эксперт Нобелевского комитета академик В.Накоряков утверждает, что «при таком финансировании отечественная наука не может обеспечить конкурентоспособность не только с США, но даже с Португалией. Подобное отношение к науке в корне противоречит национальным интересам России»(23, с.15). Заместитель директора Института прикладной математики им. Келдыша РАН профессор Г.Малинецкий считает, что «в результате реформ произошло целенаправленное «опускание» высшей и средней школы России, и осуществлена криминализация общественного сознания. Эти процессы являются факторами политики, а не «отдельными недостатками»(20, с.19-20). По индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП) Россия в 1992 году занимала 28 место в мире и входила в группу стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала. В 2000 году – она опустилась на 57-е место и перешла в группу стран со средним уровнем развития, в 2005 году – у России было уже 63-е место, что приблизило её к странам с низким уровнем развития, несмотря на завидный экономический рост. «В начале 1990-х годов Россия по уровню своего развития ещё могла претендовать на членство в клубе постиндустриальных стран, – считают главные научные сотрудники Института мировой экономики и международных отношений РАН С.Лунёв и Г.Широков. – Однако один из основных ударов пришёлся именно по высокотехнологичному производству и научному потенциалу»(19, с.38). Ещё совсем недавно нынешний министр науки и образования А. Фурсенко утверждал, что для России фундаментальная наука – слишком дорогое удовольствие. Деньги, вложенные в неё, могут окупиться, а могут и не окупиться. Действительно, очень многие научные открытия, за которые потом были вручены

Нобелевские премии, были сделаны много лет, а то и много десятилетий назад. Но А.Фурсенко – типичный представитель нынешней правящей номенклатуры, поэтому фундаментальную науку он воспринимает на своём уровне, – как поход в казино, где можно выиграть, но можно и проиграть. Национальные интересы России для него – это абсолютная абстракция. Даже у коммунистической номенклатуры, с её деформированными идеологией представлениями, государственные интересы были приоритетными. В своём отношении к науке нынешняя правящая номенклатура определённо проигрывает советской.

Влияние науки на общественную жизнь не исчерпывается её технологической компонентой. Научная рациональность как часть культуры активно участвует в формировании сознания людей. Современная система образования основана на преподавании фундаментальных наук. В этом процессе усваиваются не только знания, но и операциональные схемы их производства, методы их обоснования, что вырабатывает логику рассуждений, аргументированность убеждений, т.е. организует мышление. Поэтому наряду с естественно-научными знаниями возрастает и роль социального знания, которое в современных условиях становится всё более ценным и более востребованным для правильной ориентации человека в социальной действительности. «То обстоятельство, что наука сегодня – специализированная производственная профессия, служащая познанию реальных человеческих взаимосвязей и взаимозависимостей, а не составная часть рассуждений мудрецов о смысле мира, – это есть неотделимая данность нашей исторической ситуации, из которой мы не можем никуда выскочить» – писал Макс Вебер о прагматической ценности социального знания ещё в двадцатых годах прошлого века (42, s.61).

Значение фундаментальной науки достаточно высоко оценивали руководители СССР. Советская Россия располагала такими ареалами концентрации научно-технической и творческой интеллигенции как Москва, Ленинград, Новосибирск, Свердловск, Горький, Казань, Томск и другие,

которые выдвигали её на первые позиции в мировой иерархии интеллектуальных стран. Из этих городов десятки тысяч высококлассных специалистов вынуждены были в 1990-х годах эмигрировать на Запад, потому что инновационный кадровый потенциал не был задействован реформаторами в строительстве новой России. Более того, именно этот интеллектуальный слой испытал наибольшую экономическую и социальную депривацию в процессе проведения реформ. В России поколение выпускников высшей школы 1990-х годов, по существу, оказалось не просто потерянным, но во многом загубленным поколением.

Если системе образования реформы нанесли огромный урон, то ещё больший был причинён науке. Были разрушены многие научные школы. Ни одна страна, считает Г.Малинецкий, не имела такой математической школы, как Советский Союз, но за постсоветские годы мы утратили своё лидирующее положение.(20, с.65) В 1990-х годах российские реформаторы, по существу, объявила науке войну, в результате которой интеллектуальная элита понесла огромные потери. От неё реформаторы постарались как можно быстрее избавиться. Большинство представителей творческой элиты России было выброшено на обочину социальной жизни. На вещевых рынках больших и малых городов России в 1990-е годы можно было увидеть и выпускников известных за рубежом советских вузов, и их преподавателей, и инженерно-технический персонал ведущих промышленных предприятий, и других высокообразованных профессионалов. Разумеется, не все уехали за границу, большинство сменило профессию, ушли туда, где можно было что-то заработать, чтобы содержать свои семьи. Трудно забыть эпизод, связанный с одним из уникальных творческих подразделений Минавиапрома. «Разве вы не понимаете, откуда вы уходите? Ведь у нас самое лучшее в мире конструкторское бюро, – увещевал Генеральный конструктор предприятия подававший заявление об увольнении специалистов. – «Понимаем, но лучше скажите об этом нашим жёнам». В 1992/1995 годах происходило последовательно разрушение целого ряда

знаменитых научно-технических коллективов. Именно тогда, в первой половине 1990-х годов появился популярный ныне термин «утечка умов». Всего, по данным доктора исторических наук, директора фонда «Русский мир» Вячеслава Никонова, только в странах Евросоюза в настоящее время количество проживающих русских достигло 10 миллионов (См. 24, с.95). Вряд ли справедливым будет предположение, что это самая необразованная и неинтеллектуальная часть русского этноса. Но даже если бы и не самая лучшая его часть, то всё равно это огромные потери. Ибо каждый человек, кроме ценности непреходящей, вечной, представляет ещё и экономическую ценность. И если страну покинуло 10 миллионов человек, она обеднела не только духовно, но и экономически.

Если В.И.Ленин высылал из России учёных насильно, то реформаторы 1990-х годов создали ситуацию, при которой учёные, уезжали сами, ибо, по их единодушным высказываниям, наука в эти годы стала в России никому не нужна. В России в 1992 году численность персонала, занятого в научных исследованиях составляла 1562 тыс. человек, в 1995 – 1051 тыс. человек, (убыло более полмиллиона за три года), в 2000 г. – 887тыс. человек, в 2005 г. 803 тыс. человек, в том числе самих исследователей 371 тыс. чел. (33, с.56-57). Если российская интеллектуальная элита объективно создавала большевикам трудности для коммунистического оболванивания масс и поэтому высылалась за границу или истреблялась, то, может быть, российские реформаторы, создавая постсоветскую общественную систему, так же исходили из того, что «слишком умные» будут им мешать? Разумеется, управлять бездуховными и дебилизированными людьми проще, а, главное, это можно делать долго. «Похоже, что действительно взят курс, – замечает член Президиума Российской академии образования проф.А.С.Запесоцкий, – на формирование очень малочисленного слоя творческих личностей и огромного количества людей, которые убирают дороги и обслуживают нефтепроводы» (18, с.93).

Спустя год-полтора после начала реформ, когда для наиболее просвещённой части россиян стал ясен их исход, страну стали покидать тысячи специалистов. По различным оценкам, к 1998 году из России эмигрировали от 700 до 900 тысяч лиц с высшим образованием (5, с.9). В основном, это были представители лучшей, наиболее талантливой и энергичной части нации. Начавшийся в 1990-х гг. процесс деинтеллектуализации не просто продолжается, он усиливается. «В стране обостряется противоречие между ещё пока хорошим образованием и всё более примитивной экономикой, – подчёркивает Р.Гринберг. – Целый ряд российских вузов в последние годы готовит кадры фактически на экспорт. Государство теряет человеческий капитал в лице дипломированных специалистов, не нашедших работу по специальности в России, и наращивающих теперь научный и технический потенциал других стран» (10, с.13).

В США, Канаде, Германии, Великобритании, и многих других государствах сегодня продуктивно работают выпускники Бауманского училища, Физтеха, МИФИ, МИРЕА, МГУ, Новосибирского университета, РХТУ, Ленинградского и Уральского политехнических, других ведущих вузов страны. К примеру, Норвегия забирает почти всех окончивших 5 курсов санкт-петербургского Военно-механического института и трудоустраивает их с зарплатой в 3-4 тысячи евро.(См. 12, с.76). Российские физики, химики, математики, биологи, инженеры, лингвисты, программисты и представители многих других профессий вносят значительный вклад в развитие западной модернизации. В развитых странах знают, что заполучить советского, или теперь уже российского специалиста, значит обеспечить успех фирмы. В последние годы наши учёные сами стали осваивать сферу наукоёмкого бизнеса. В настоящее время только в Силиконовой долине около 400 различных инновационных компаний создано российскими специалистами, которых в Калифорнии уже свыше 50 тысяч. К этой «утечке

идей и мозгов» следует добавить и те тысячи учёных, которые работают на зарубежные фирмы, оставаясь на родине.

Деградация научно-производственного капитала, отражённая в резком падении доли продукции с высокой добавленной стоимостью в структуре нынешнего российского производства весьма вероятно, к сожалению, и дальше будет продолжаться. Невозможность найти применение своим знаниям и творческому потенциалу российским интеллектуалам – это одно из самых тяжёлых последствий реформ 1990-х годов. Высококвалифицированные профессионалы не должны быть невостребованными – ведь это золотой запас нации. В связи с этим вспоминается послевоенная Германия с разрушенными фабриками и заводами. Немецкие рабочие и инженеры их быстро восстанавливали. Трижды оборудование уже работающих цехов вывозилось в СССР, но всякий раз, через несколько месяцев, предприятия вновь начинали работать и выпускать лучшую продукцию. Этот пример иллюстрирует необходимое условие выживаемости экономической сферы общества: пока ещё есть люди, обладающие техническими знаниями и инженерным мышлением, экономика может быть восстановлена. Признано, что одной из причин самой масштабной техногенной катастрофы на территории России – на Саяно-Шушенской ГЭС явился уход на пенсию профессионалов и отсутствие им равноценной замены.

Пока окончательно не выбит её творческий созидательный фундамент, нация может возродиться. Так было в Германии в 1945-1948 годах. Но в России в 1992-1995 годах был запущен экономический механизм, основанный на вывозе двух капиталов – мозги и углеводороды, между которыми существует прямая корреляция: чем больше мы вывозим энергоресурсов, тем меньше нам нужны мозги. В 1992 году, приступая к экономическим реформам, Россия как все постсоциалистические страны должна была решить центральную проблему – **модернизацию промышленности**. Собственно, для того и начаты были экономические

реформы. Но никакой модернизации не произошло. В результате реформ производство было свёрнуто, а экономика превратилась в примитивную продажу природных богатств. Чересчур высокая доля сырьевого экспорта была свойственна Советскому Союзу с его директивно-плановой экономической системой. Реформы и были призваны провести модернизацию экономики страны. Но, начиная реформы, Россия в своём экспорте имела менее 50% сырья и минералов, а спустя 18 лет – более 85%. Сегодня почти всю валютную выручку России дают восемь природных ресурсов (22, с.11).

В проекте Основных направлений социально-экономического развития Российской Федерации, разработанном в 2000 г. на период до 2010 г., инновационный рост был назван главным условием поддержания конкурентоспособности отечественной экономики. Однако, за годы прошедшего «экономического роста» – с весны 1999 года до осени 2008 года не только не произошло никаких сдвигов, но, напротив, деиндустриализация продолжала углубляться. Нового машинного оборудования у нас в 2009 году произведено в 34 раза меньше, чем в Китае, и в 82 раза меньше, чем в Японии (30, с.12).

Сырьевая зависимость нынешней России всё чаще артикулируется в наших СМИ как некая фатальная неизбежность. После реформ 1990-х годов в это можно уже и поверить. Но мировая практика свидетельствует об иных вариантах для государств, богатых природными ресурсами. В работе Дж.Робинсона, Р.Торвика и Т.Вердые показано, что сырьевая зависимость опасна лишь для стран с отсутствием демократических институтов. Странам с демократическими институтами сырьевая зависимость не грозит. Наиболее наглядные примеры этого демонстрируют: Норвегия с её нефтью, Австралия с её золотом, Финляндия с её лесными богатствами, Чили с её медью (См. 41, р.447-455). Но российская экономика за прошедшие 19 лет всё глубже «садилась на нефтяную иглу». Высокие технологии (вооружение, космическая техника, ядерное оборудование) составляют в нынешнем

российском экспорте 0,13%, т.е. столько же, сколько у одной из самых отсталых стран Евросоюза – Португалии. В результате реформ была создана простейшая экономическая модель, суть которой заключается в продаже своей природной ренты. За пореформенные годы в России были разрушены многие высокотехнологичные предприятия, но не было построено ни одного нового предприятия, оборудованного конкурентоспособной отечественной техникой.

Весной 2008 года научный руководитель созданного в 1992 году при поддержке правительства Е.Гайдара учебного заведения – Высшей школы экономики – проф.Е.Ясин на вопрос ведущей передачу «1990-е: время надежд» радиостанции «Эхо Москвы»: «Какие технические достижения в российской экономике можно отнести к заслугам реформаторов?» дал совершенно удивительный ответ. Е.Ясин рассказал о некоем очень эффективном предприятии, которое он недавно посетил, и руководители которого просили их не рекламировать, и поэтому называть его он не будет. Это предприятие, продолжал Е.Ясин, оснащено самым современным японским оборудованием, которое... *успешно освоили наши работники* (курсив мой – *Р.С.*) (!). А осенью 1991 года, когда правительство России возглавили молодые и энергичные реформаторы во главе с Е.Гайдаром, граждане новой России наивно полагали, что через 17 лет наша страна будет производить технику, которую будут успешно осваивать японцы.

Если даже громкие декларации по поводу необходимости создания наукоёмких производств, усилившиеся в начале 2009 года в связи с резким падением цен на нефть, приведут не только к увеличению на эту тему различных программ и проектов, но и к каким-то точечным воплощениям, то на общую тенденцию это не повлияет. К этому выводу приходят многие российские аналитики. «Риторика модернизации, привнесённая в российский политический дискурс Дмитрием Медведевым, – замечает В.Гельман, – отражает глубокое разочарование общества развитием событий... Но, по всей видимости, дальше словесных заявлений дело не пойдёт»(8, с.55). По

мнению Б.Кагарлицкого, если даже вдруг начнётся быстрое развитие в отдельных отраслях, будут построены несколько современных предприятий, это само по себе не сможет компенсировать накопившейся общей отсталости (14, с.381). Разумеется, чем глубже наша экономика погружается в кризис, тем настойчивее будут призывы к созданию продуктов с высокой добавленной стоимостью, а слова «инновация», «модернизация», «научеёмкие производства», «технологический прорыв» будут всё более часто и более звонко произносятся представителями нынешней номенклатуры. Но созданная в 1990-х годах экономическая модель направлена на извлечение и распределение сырьевой ренты, а не на развитие народного хозяйства и технический прогресс.

Руководители России знали о том, что «тучные годы» завершаются, и что страна находится накануне экономического спада. Так, министр экономического развития РФ Г.Греф ещё в 2004 году предупреждал, что «если в экономической структуре не произойдёт качественных изменений, то уже в ближайшие годы рост ВВП сократится до 2-3%» (32, с.3). Близкую угрозу мирового экономического кризиса в июне 2006 года подробно обсуждали министры финансов стран «большой восьмёрки» на саммите не где-нибудь, а в России, в Санкт-Петербурге. В сентябре 2006 года глава Международного валютного фонда Родриго де Рато официально предупредил, что через год, т.е. осенью 2007 года произойдёт существенное замедление темпов роста мировой экономики, и цены на нефть резко упадут (36, с.3). У российской политической верхушки было два года до начала кризиса, чтобы если не форсировать, то хотя бы начать модернизацию, т.е. с пользой потратить, как говорят ангlosаксы, «прибыль, принесённую ветром» (windfall profit).

Но вряд ли её можно упрекать за то, что ни за 19 лет, ни за 9 путинских лет, ни за два года этого не было сделано. И за то, что рецессия в России оказалась более глубокой, чем на Западе. Упрёк бывшего посла РФ в Великобритании и Италии, а ныне президента Евро-Атлантической

ассоциации А.Адамишина, адресованный В.Путину за «бездарно затраченные «жирные годы», когда в страну стекалось огромное количество нефтедолларов, а мы продолжали сидеть на сырьевой игле»(23, с.89) не вполне заслуженный. Почему? Потому что механизм, запущенный в середине 1990-х годов породил такой комплекс общественных противоречий, такой клубок неразрешимых проблем, что в рамках порождённой им политической системы технологический прорыв нереален. То, что из полутора триллионов долларов, полученных страной в «тучное десятилетие» (1999-2008 гг.), не нашлось средств, для создания в стране хотя бы одного крупного высокотехнологичного предприятия, является закономерным результатом реформ, ибо созданная российскими реформаторами экономическая модель не содержит в себе инновационного потенциала. В сложившихся после реформ условиях хозяйствования модернизация промышленности нереальна. Современный этап модернизации требует демократии и свободы в политической сфере, т.е. условий для заинтересованного и свободного производителя, так же, как в своё время использование сложных орудий труда потребовало свободного, а не рабского труда.

Происшедшая в 1990-х гг. в стране деиндустриализация обладает слишком большой инерцией, а деградация машиностроения обрекает все усилия по созданию курса на технологические инновации бесполезными. «В условиях наличия гигантских ресурсов минерального сырья и высоких цен на него, – пишет директор Центра исследований постиндустриального общества В.Иноземцев, – рассчитывать на «модернизационный проект» бессмысленно»(13, с.161). Необходимо подчеркнуть, что с каждым годом возможности диверсификации промышленности России сокращаются, ибо в глобализованном мире разделение труда и уровень специализации отдельных стран и регионов быстро возрастает. Взяв на себя функцию сырьевого и энергетического обслуживания стран, осуществивших технологическую модернизацию, Россия после 1990-х годов быстро утрачивает перспективы

занять место в их ряду. Сферы мирового производства практически уже поделены. «Лидерами мирового экономического развития будут не столько крупнейшие производители («мировые фабрики»), сколько центры производства знаний и управления (мировые лаборатории и центры принятия решений)»(21, с.22).

Чем больше времени проходит с начала экономических реформ 1990-х годов, тем более заметным становится технологическое отставание нашей страны теперь уже не только от Запада, но и от Востока. Осознание обществом крайней черты, за которой Россия превращается в страну третьего мира, заставляет российский политический истеблишмент искать какие-то формы реагирования на этот процесс. Попытки исправить сложившееся положение особенно усилились накануне подготовки к 20-летию юбилею экономических реформ, отмечать который придётся всего лишь через год. Необходимо всё-таки хоть что-то предъявить обществу. В этом русле следует рассматривать идею создания российской «Силиконовой долины» в Сколково – проект долгожданного начала модернизации российской промышленности. Но, как уже отметили многие аналитики, «силиконовые долины» в одночасье не создаются, а этот проект порождает массу вопросов. В том числе: почему организуется с нуля новый научно-исследовательский и научно-производственный центр, а не используются многочисленные имеющиеся как на Урале и в Сибири, так и в самой Московской или близлежащих к Москве областях – Пушкино, Протвино, Долгопрудный, Зеленоград, Дубна, Обнинск, Арзамас, и, наконец, Черноголовка. Начавшие в Черноголовке свою научную карьеру Нобелевские лауреаты 2010 года по физике К.Гейм и А. Новосёлов также выразили недоумение по этому поводу.

Показательно, что факт присуждения российским учёным Нобелевских премий вызвал противоречивые чувства у россиян: с одной стороны гордость за талантливых представителей нашего народа, с другой стыд за государство, которое не может использовать талант таких людей. По данным

различных социологических опросов это событие считают гордостью России от 30 до 40% , а позором России – от 60 до 70% опрошенных россиян.

Что же касается нанотехнологий, которые провозглашены в качестве основного направления технологической модернизации российской промышленности, то в передовых странах они давно и успешно разрабатываются и внедряются в производство. Проф.С.Н.Сильвестров приводит результаты сравнительного анализа государственных расходов на исследования в этой области в 2007 году: если в Японии годовой объём расходов составил 996 млн. долл., в США – 1367 млн. долл., то в России всего 102 млн. долл. (27, с.204). Т.е. даже в благоприятные докризисные годы

российские государственные инвестиции (без учёта коррупционной составляющей) в этой «прорывной» области научных исследований в 10-13 раз уступали передовым странам. Кроме того, многие аналитики обращают внимание на инновационную среду, характеризующую возможности и темпы технологической модернизации. К факторам, показывающим уровень развития инновационной среды, относят экономическую свободу, совокупность условий для малого бизнеса, уровень исполнимости (enforcement) контрактов, конкурентоспособность, доступность венчурного капитала, отношение общества к коммерческому успеху, бюрократические барьеры, степень защищённости от криминала и произвола чиновников, и, конечно же, уровень коррупции. По всем перечисленным факторам рассчитываются индексы различными общественными, частными или государственными организациями. По большинству этих индексов, отмечает академик В.Л.Макаров, Россия находится в самом конце списка стран, по которым проводятся измерения. (См. 37, с.53-54) В этой связи весьма показательной является оценка перспектив модернизации, сделанная руководителем Института современного развития при президенте РФ И.Юргенса в его недавнем интервью газете «Коммерсантъ». Признавая

трудности модернизации в нынешней России, он в качестве основных её препятствий назвал незаинтересованность большинства представителей правящей номенклатуры, низкий порог моральных требований к себе предпринимателей и «архаичность российского народа». (38, с.6). К двум действительно фундаментальным преградам модернизации в нынешней России ближайший советник президента РФ добавил досаду высокопоставленного чиновника на народ, который в отличие от «менее архаичных» народов Китая, Индии, Тайваня, Малайзии, Южной Кореи, других азиатских и латиноамериканских народов не хочет внять призывам власти «зажечься на модернизацию». Это упрёк тем миллионам россиян, которые в конце 1980-х и начале 1990-х гг., сделали всё, чтобы привести к власти Б.Ельцина вместе с его реформаторами в надежде на возрождение великой страны.

Начало перехода к рыночной экономике было связано с ожиданиями россиян, что их страна станет поставщиком товаров, в производстве которых используется труд средней и высокой квалификации. По этому пути пошли постсоциалистические страны Европы, но в отношении России эти надежды не оправдались. После экономических реформ 1990-х годов Россия, как было показано выше, превратилась в сырьевой придаток теперь уже не только Запада, но и Востока. Даже обласканные властью высокопоставленные чиновники вынуждены признать, что реформы 1990-х годов ничего не дали для технологического развития. Так, бывший в 1990-х гг. вице-премьер Александр Лившиц в 2005 году откровенно заявил, что «рынок Гайдара и приватизация Чубайса никакого производительного капитализма не создали, а породили лишь экономическую модель типа Филиппин времён Маркоса или Индонезии времён Сукарно. Фактически Борис Ельцин роздал государственную собственность ближайшему окружению в личное пользование. Мы даже не отдаём себе отчёта, что живём в социалистической стране. Олигархи зарабатывают деньги на социалистических заводах – они ещё пока сами ничего не построили. Свой

товар возят по социалистическим рельсам, а ток передают – по социалистическим линиям передач. Ремонтируют? Да, но не строят. Это всё досталось от той страны, которой нет уже пятнадцать лет. А хоть какого-то ввода мощностей мы не видим»(27, с.4). Совсем недавно подобное признание сделал ещё более высокопоставленный российский чиновник – заместитель главы Администрации Президента РФ В.Сурков: «Не будем забывать, что мы живём на наследство, доставшееся нам от Советского Союза, что мы пока мало что сделали сами»(21, с.30). Такие признания можно расценивать как осознание произошедшего, как поворот нынешней правящей номенклатуры к суровой, но реалистичной оценке того положения, которое сложилось в стране за девятнадцать пореформенных лет. А это уже надежда на перемены.

Литература

- 1.Абалкин Л. – Россия: Поиск самоопределения: Очерки. – М., 2002. – 428 с.
- 2.Аргументы и факты. – М., 2004. – № 34.
3. Аргументы и факты. – М., 2008. – № 21.
4. Аргументы и факты. – М., 1998. – № 11.
5. Аргументы и факты. – М., 2006. – № 18.
6. Афанасьева Е. – Государство или революция. М., 2005. – 356 с.
7. Гайдар.Е. Государство и эволюция. М.,1995. – 208 с.
- 8.Гельман В. Тупик авторитарной модернизации. – Pro et Contra, 2009, с.51-61. – № 5-6.
9. Гишинский Я. Организованная преступность в России: теория и реальность. – СПб, 1996, – 168 с.
10. Гринберг Р. Среди рисков и шансов. – М., 2008. – 432 с.
- 11.Давыдов Ю. Российская ситуация в свете веберовского различия двух типов капитализма / В книге Россия: трансформирующееся общество. /Под ред. проф.В.Ядова. – М. 2001, с.64-77. – 640 с.
12. Занин В. Жестокая экономика России. – М.,2009. – 224 с.
13. Иноземцев В. О невозможности модернизации России/Российская модернизация: размышляя о самобытности. – М., 2008 – 208 с.
14. Кагарлицкий Б. Периферийная империя. Россия и миросистема. – М., 2006. – 224 с.
15. Кичин В. Мы перестали быть семьёй. – Российская газета, 23.10. 2003.
16. Комсомольская правда. – 28.03.2002..
- 17.Косов Ю., Фокина В. Политическая регионалистика. – СПб, 2009. – 216 с.
18. Куда идёт российская культура? Круглый стол 27-28 июня 2009 г. – СПб, 2010. – 88 с.
19. Лунёв С., Широков Г. Складывание новой мировой системы и Россия. – Pro et Contra. – М., 2003, с. 34-41, – Т.7, № 4.
20. Малинецкий Г. Россия. Выбор будущего./ В кн. Болезни России: диагноз и прогноз. – М., 2009. – 176 с.
- 21.Мир вокруг России: 2017. Контуры недалёкого будущего. – М., 2007. – 96с.
- 22.Мир и политика. Колонка редактора. – М, 2009. – №10.

23. Новые подходы к обеспечению европейской безопасности: взгляды из ЕС, России и Украины (за «круглым столом» Ялтинский чтений)//Мир перемен. – М., 2009, с.87-106. – № 4..
- 24.Никонов В. Кто же такие русские? – Этнодиалоги, альманах. – М.. 2009, с.89-103. – № 1(30).
- 25.Новая газета – М., – 03.08.2009.
26. Мережковский Д. Избранные произведения в 3 тт. Т.2. – СПб., 1992. – 256 с.
27. Модернизация и конкурентоспособность российской экономики/Под. ред. д.э.н., проф. С.Н.Сильвестров. – СПб, 2010. – 372 с.
28. Московский комсомолец. – М., 08.06.2005.
- 29.Нефтяной дождь не вечен. Падение темпов мировой экономики больно ударит по России. – Новые Известия. – М., 12.09.2006.
30. Примаков Е. Россия перед выбором. – Российская газета. – М.,14.01.2010.
31. Римащевская Н. Человек и реформы: Секреты выживания. – М., 2003. – 392 с.
- 32.Российская газета. – М., 22.04.2004.
- 33.Россия в цифрах. 2006. Краткий статистический сборник. – М., 2007. – 96 с.
34. Рывкина Р. Драма реформ. – М., 2001. – 416 с.
35. Трибуна. – М.,2009. – № 21.
36. Труд. – М., 17.03.2008.
- 37.В.Л.Макаров. Становление экономики знаний в России и мире/В книге Экономика знаний/Отв. ред. проф.В.П.Колесов. – М.,2008, с.34-55. – 448 с.
38. Коммерсантъ. – М., 22.10.2010.
- 39.Якунин В., Роик В., Сулакшин С. Социальное измерение государственной экономической политики. – М., 2007. – 192 с.
40. Baumol W.J., Bowen W.G. Performing Arts: The Economic Dilemma. The Twentieth Century Fund. N.Y., 1966.
41. Robinson J., Torvik R., Verdier T. Political Foundations of the Resource Curse// J. of Development Economics. 2006. Vol.79.
- 42.Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1922, s. 73.

российские государственные инвестиции (без учёта коррупционной составляющей) в этой «прорывной» области научных исследований в 10-13 раз уступали передовым странам. Кроме того, многие аналитики обращают внимание на инновационную среду, характеризующую возможности и темпы технологической модернизации. К факторам, показывающим уровень развития инновационной среды, относят экономическую свободу, совокупность условий для малого бизнеса, уровень исполнимости (enforcement) контрактов, конкурентоспособность, доступность венчурного

капитала, отношение общества к коммерческому успеху, бюрократические барьеры, степень защищённости от криминала и произвола чиновников, и, конечно же, уровень коррупции. По всем перечисленным факторам рассчитываются индексы различными общественными, частными или государственными организациями. По большинству этих индексов, отмечает академик В.Л.Макаров, Россия находится в самом конце списка стран, по которым проводятся измерения. (См. 37, с.53-54) Весьма характерным является недавнее признание руководителя Института современного развития при президенте РФ И.Юргенса в его недавнем интервью газете «Коммерсантъ». Признавая трудности модернизации в нынешней России, он в качестве основных её препятствий назвал незаинтересованность большинства представителей правящей номенклатуры, низкий порог моральных требований к себе предпринимателей и «архаичность российского народа». (38, с.6). К двум действительно фундаментальным преградам модернизации ближайший советник президента РФ добавил досаду высокопоставленного чиновника на народ, который в отличие от «менее архаичных» народов Китая, Индии, Тайваня, Малайзии, Южной Кореи, других азиатских и латиноамериканских народов не хочет внять призывам власти «зажечься на модернизацию».

Начало перехода к рыночной экономике было связано с ожиданиями россиян, что их страна станет поставщиком товаров, в производстве которых используется труд средней и высокой квалификации. По этому пути пошли постсоциалистические страны Европы, но в отношении России эти надежды не оправдались. После экономических реформ 1990-х годов Россия превратилась в сырьевой придаток теперь уже не только Запада, но и Востока. Даже обласканные властью высокопоставленные чиновники вынуждены признать, что реформы 1990-х годов ничего не дали для технологического развития. Так, бывший в 1990-х гг. вице-премьер Александр Лившиц в 2005 году откровенно заявил, что «рынок Гайдара и приватизация Чубайса никакого производительного капитализма не создали,

а породили лишь экономическую модель типа Филиппин времён Маркоса или Индонезии времён Сукарно. Фактически Борис Ельцин роздал государственную собственность ближайшему окружению в личное пользование. Мы даже не отдаём себе отчёта, что живём в социалистической стране. Олигархи зарабатывают деньги на социалистических заводах – они ещё пока сами ничего не построили. Свой товар возят по социалистическим рельсам, а ток передают – по социалистическим линиям передач. Ремонтируют? Да, но не строят. Это всё досталось от той страны, которой нет уже пятнадцать лет. А хоть какого-то ввода мощностей мы не видим»(27, с.4). Совсем недавно подобное признание сделал ещё более высокопоставленный российский чиновник – заместитель главы Администрации Президента РФ В.Сурков: «Не будем забывать, что мы живём на наследство, доставшееся нам от Советского Союза, что мы пока мало что сделали сами»(21, с.30). Такие признания можно расценивать как осознание произошедшего, как поворот нынешней правящей номенклатуры к суровой, но реалистичной оценке того положения, которое сложилось в стране за девятнадцать пореформенных лет. А это уже надежда на перемены.

Литература

- 1.Абалкин Л. – Россия: Поиск самоопределения: Очерки. – М., 2002. – 428 с.
- 2.Аргументы и факты. – М., 2004. – №34.
3. Аргументы и факты. – М., 2008. – №21.
4. Аргументы и факты. – М., 1998. – № 11.
5. Аргументы и факты. – М., 2006. – № 18.
6. Афанасьева Е. – Государство или революция. М., 2005. – 356 с.
7. Гайдар.Е. Государство и эволюция. М.,1995. – 208 с.
- 8.Гельман В. Тупик авторитарной модернизации. – Pro et Contra, 2009, с.51-61. – № 5-6.
9. Гишинский Я. Организованная преступность в России: теория и реальность. – СПб, 1996, – 168 с.
10. Гринберг Р. Среди рисков и шансов. – М., 2008. – 432 с.
- 11.Давыдов Ю. Российская ситуация в свете веберовского различения двух типов капитализма / В книге Россия: трансформирующееся общество. /Под ред. проф.В.Ядова. – М. 2001, с.64-77. – 640 с.
12. Занин В. Жестокая экономика России. – М.,2009. – 224 с.
13. Иноземцев В. О невозможности модернизации России/Российская модернизация: размышляя о самобытности (сборник статей). – М., 2008 – 208 с.
14. Кагарлицкий Б. Периферийная империя. Россия и миросистема. – М., 2006. – 224 с.
15. Кичин В. Мы перестали быть семьёй. – Российская газета, 23.10. 2003.
16. Комсомольская правда. – 28.03.2002..
- 17.Косов Ю., Фокина В. Политическая регионалистика. – СПб, 2009. – 216 с.

18. Куда идёт российская культура? Круглый стол 27-28 июня 2009 г. – СПб, 2010. – 88 с.
 19. Лунёв С., Широков Г. Складывание новой мировой системы и Россия. – Pro et Contra, – М., 2003, с. 34-41, – Т.7, № 4.
 20. Малинецкий Г. Россия. Выбор будущего./ В кн. Болезни России: диагноз и прогноз. – з М., 2009. – 176 с.
 21. Мир вокруг России: 2017. Контуры недалёкого будущего. – М., 2007. – 96с.
 22. Мир и политика. Колонка редактора. – М., 2009. – №10.
 23. Новые подходы к обеспечению европейской безопасности: взгляды из ЕС, России и Украины (за «круглым столом» Ялтинский чтений)//Мир перемен. – М., 2009, с.87-106. – № 4..
 24. Никонов В. Кто же такие русские? – Этнодиалоги, альманах. – М.. 2009, с.89-103. – № 1(30).
 25. Новая газета – М., – 03.08.2009.
 26. Мережковский Д. Избранные произведения в 3 тт. Т.2. – СПб., 1992. – 256 с.
 27. Модернизация и конкурентоспособность российской экономики/Под. ред. д.э.н., проф. С.Н.Сильвестров. – СПб, 2010. – 372 с.
 28. Московский комсомолец. – М., 08.06.2005.
 29. Нефтяной дождь не вечен. Падение темпов мировой экономики больно ударит по России. – Новые Известия. – М., 12.09.2006.
 30. Примаков Е. Россия перед выбором. – Российская газета. – М., 14.01.2010.
 31. Римашевская Н. Человек и реформы: Секреты выживания. – М., 2003. – 392 с.
 32. Российская газета. – М., 22.04.2004.
 33. Россия в цифрах. 2006. Краткий статистический сборник. – М., 2007. – 96 с.
 34. Рывкина Р. Драма реформ. – М., 2001. – 416 с.
 35. Трибуна. – М., 2009. – № 21.
 36. Труд. – М., 17.03.2008.
 37. В.Л.Макаров. Становление экономики знаний в России и мире/В книге Экономика знаний/Отв. ред. проф.В.П.Колесов. – М., 2008, с.34-55. – 448 с.
 38. Коммерсантъ. – М., 21.10.2010.
 39. Якунин В., Роик В., Сулакшин С. Социальное измерение государственной экономической политики. – М., 2007. – 192 с.
 40. Baumol W.J., Bowen W.G. Performing Arts: The Economic Dilemma. The Twentieth Century Fund. N.Y., 1966.
 41. Robinson J., Torvik R., Verdier T. Political Foundations of the Resource Curse// J. of Development Economics. 2006. Vol.79.
 42. Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1922, s. 73.
- Симонян Ренальд Хикарович, проф. д.соц.наук., главный научный сотрудник
Института социологии РАН, тел.: (495)6130231 (д), (499)1253238(с), 9852742596 (моб)**